

Умерла Аня Кравченко. Еще в августе она горбатилась в своем огороде, доила коров, в короткие часы послеобеденного отдыха смотрела сериал «Пока станица спит», продавала нам и другим городским картошку, огурцы, помидоры и даже домашний сыр. Магазинные твердые сыры не выдерживали конкуренции с ее продуктом там, в деревне. Мы брали его целыми головками — килограмма по полтора. И цветы, занимавшие у нее чуть ли не четверть участка, всегда были ухожены и прополоты. Зайти к ним в дом летом можно было, только пройдя мимо Аниного мощного цветника — самого большого в нашей деревне. Но не прошло и полгода с нашего отъезда на зимние квартиры, как нам сказали: Аня умерла, рак. Оказывается, ей уже шел семьдесят седьмой год, а я бы ей не дал и семидесяти.

Аня никогда не болела, во всяком случае, жалоб на здоровье я от нее не слышал. В их семье обычно хворал Витя, Анин муж. В конце каждого лета я его спрашивал: «Возьмешься косить мое поле в будущем году?» Витя, в отличие от Ани, которая матерного словечка не скажет, отвечал в обычной своей манере — с матерком, и слова его переводились так: «А хто яво знает, до лета яшшо дожить надо».

Витя в последние годы пару раз лежал в больнице — не в районной, а в Великих Луках: шалило сердце, скакало давление, и еще на что-то он

жаловался. Но в сезон Витя, несмотря на болячки, вместе со старшим, так и не женившимся сыном Игорем обеспечивал семью сеном для коровы и дровами, да еще и круглый год столярничал у себя в мастерской. Аня же никогда не жаловалась. Когда каждый день крутишься по хозяйству, не до болезней. Так бывает часто в семьях: болеет один, а умирает другой.

Со смертью Ани в деревне осталось только пять постоянных жителей. А еще два года назад, пока живы были баба Тамара и баба Галя, там жило девять человек, в начале девяностых — так вообще больше двадцати, а когда-то даже начальная школа имела. Правда, летом население увеличивается человек на двенадцать-пятнадцать, но и то не весь сезон. Да и среди дачников в последние годы имелись потери. Сначала умер, как звали его некоторые, старый дядя Миша Михельсон (фамилию Мишины предки получили по барину), потом — восьмидесятитрехлетний Ильич, или Мишка Дегель, на жаргоне местных. Оба Михаила зимовали всегда в столицах вместе с детьми. Еще была в деревне баба Зина Михельсонова, двоюродная сестра дяди Миши-первого по отцу, а по мужу — Новикова. Она уже не вставала, все по дому делал ее сын, и, кроме него, да еще пары-тройки родственников, навещавших Михельсонову в теплые летние дни, бабу Зину давно никто не видел. Нам она показалась только в гробу...

Кравченки, как их у нас звали, не вызывали симпатий односельчан. Во-первых, они были не местные, приехали из другого села. Даже прозвищем деревенским их не удостоили. Там ведь, если ты Волков, то Волчок, а если Молчанов, значит, Малек, и дети твои взрослые — Мальки, даже если они — здоровенные, под метр девяносто мужики. Во-вторых, Аня и Витя держали большое хозяйство: два дома, два участка, двух коров, старый польский трактор, отечественный автомобиль — подарок внука, мелкую живность да еще Витину столярку с циркулярной пилой. Деньги тратили обдуманно, жили без машины, пока внук не подарил, а подвернулась возможность — сделали одновременно с нами скважину для воды, заплатив за нее больше ста тысяч. Свой источник надежней старого деревенского водопровода, который рвется два раз в год — в семьдесят лет воды не наносишься. Остальные жители довольствовались тем, что есть, и каждый раз ждали, пока дыру залатают. Иногда ожидание длилось несколько недель: хозяин трубы — организация-преемник бывшего колхоза — не спешил ремонтировать ее.

Но главная причина нелюбви соседей заключалась даже не в относительной зажиточности Ани и Вити. В девяностые годы Аня торговала в деревне паленой водкой, и «через нее», по выражению соседки, полдеревни на кладбище отнесли. Трудно сказать, насколько виновата была

в этом Аня, такой ли уж плохой была ее водка. Но деревня пила много всегда — и в советское время, и после, и с Аниной водкой, и без нее. Только при Советах работали колхозы — хоть и плохо, неэффективно, но работали. Каждый день колхозник шел трудиться. На работе тоже пили, но не всегда и не все. На трактор с огромными задними колесами, на которых «сидит» кабина, совсем пьяным не залезешь — не лимузин. Колхозная жизнь немного дисциплинировала. Но в девяностые колхозы развалились; в поле и на ферму не надо было идти, жили «огородом», кто мог, держал скот, перебивались случайными заработками, ловили рыбу сетями. Аня стала продавать водку, но особо не разбогатела через это, может, водочное производство помогло чуток расширить хозяйство, да и только.

И пошла безработная деревня быстро спиваться. Когда зятю Ильича сослуживец с Севера привез канистру спирта, и он угостил соседей, на следующий день уже в шесть утра перед их домом стояла очередь с алюминиевыми кружками. В окошко постучали. Злой Сергей встал, раздвинул шторы:

— Чего?

— Сярожа, болеем!

Сергея чертыхнулся, мысленно поругал себя за вчерашнюю доброту и вновь налил каждому.

Кравченки сами не пили, разве что Витя изредка пропустит рюмашку-другую-третью за компанию. Да и как тут пить, когда такое хозяйство? Некогда глупостями заниматься. Впрочем, вся пьющая братия до конца нулевых не дожидая. Мы там появились в 2009-м и уже никого не застали. С тех пор до пятнадцатого года в деревне никто не умирал, население стабилизировалось, как говорят демографы, но неуклонно старело.

Еще Кравченков не любили за скупость. Картошку и огурцы они продавали по ценам рынка и магазинов райцентра. Правда, продавали только приезжим, но не любили их местные. Лично мне нравилось брать овощи у Ани: тут я был уверен, что картошка — своя, для себя и выращенная, я набирал ее из котомки, которую Аня приносила с огорода в дом для кухонной стряпни. Деньги свои они считали, как же без этого, но, бывало, Аня говорила: «А возьмите огурчиков для ваших мальчиков», и я брал, не стеснялся. Конечно, соседям с другого конца деревни вообще никогда за подобные мелочи не платил — они не брали денег, считая такую торговлю недостойным занятием. Поэтому и неудобно было к ним обращаться, хотя знал: попрошу — Прасковья (для своих Паша) даст сколько надо, да еще и предложит «приходить яшшо».

Даже водитель-продавец автолавки Василий Иванович, влиятельное лицо местного бомонда, отказывался возить Ане ее заказы. Та звонила в райпо, жаловалась председателю, только ничего не помогало. «А чаво она у меня только соль заказывает? Если я всем только соль возить буду, на хлеб места не хватит!» Это у машины, которая четыре с половиной тонны тянет на себе! Ну, воля хозяина автолавки для местных священна. Он им лет тридцать продукты возит, сколько старушек зависит от перемен его настроения — до магазина-то далеко, на себе крупы да сахар тащить.

Иногда на Аню находило. Продала она как-то свой второй дом, построенный для младшего сына, так и не въехавшего в него: предпочел город. Сговорились с условием, что все документы на участок оформит, как положено, даже жить пока пустила покупателей, картошку им с Витей посадили — пользуйтесь. А вот с бумагами не заладилось: когда-то землемеры ошиблись, и теперь их оплошность требовалось исправить, иначе две трети построек вместе с баней считались расположенными на чужих сельскохозяйственных угодьях. Хотя там одно слово «угодья» — чертополох сплошной.

Началась волокита. Купившие дом люди вложились в него и готовы были брать, как есть, чтобы самим потом воевать с чиновниками. Но тут Аню гордыня обуюла: нет, я добьюсь — мое право, моя земля! Да и подружки в соседней деревне нашептывали: «Смотри, обманут тебя городские». И — пошло, поехало, Аня всерьез стала думать, что дом отнимут: вон, ведут себя как хозяева, печку вторую поставили, а кто им разрешил? Платите деньги или уходите, и печь свою забирайте. Кто знает, что Аня себе вообразила, какие мысли мелькали в ее уставшей голове, но условия она создала людям несносные. Зимой, когда дел поменьше, ходила к ним как на работу, ругалась, выставляла все новые требования. Те плюнули и уехали, купили жилье в другом месте, и Аня осталась с пустой и ненужной ей избой и перспективой длительной тяжбы лет на пять. Короче, и покупателям своим мозги вынесла, и себе тоже. Возможно, и онкология ее завелась на нервной почве...

Так и стоит второй дом опять пустой, пополнив список невостробованного жилья в деревне. Стоит как напоминание об Аниной глупости. Дом без хозяина живет плохо, норовит развалиться, то одно оторвется, то другое. Пока у Вити силы есть, он придет с Игорем, подлатает, починит, но это пока. Зато подружки были довольны: «Ничего, молодец, — говорили они, — не дала себя этим жуликам обмануть!» А несостоявшиеся «обманщики», кроме устройства второй печи, решили проблему сырости в доме (раньше каждое утро окна все запотевали изнутри), поклеили обои, сделали нормальную по объему выгребную

яму, переложили канализацию. Изба приобрела в стоимости, только вот покупатель чего-то не толкутся в очереди, да и кому нужен дом без земли? Теперь и расплести этот клубок бюрократической глупости некому: у овдовевшего Вити дел по горло, а здоровье никудышное, ни к чему ему нервы трепать в конторах. Будет ждать чуда или не ждать ничего. Деньги ему особо-то и не нужны, а Аню уже не вернешь. Она на погосте лежит.

Маленькие сельские кладбища в тех краях есть почти везде. Даже за околицей самой маленькой деревни найдешь такой город мертвых, где лежит гораздо больше людей, чем в селении проживает. Обычно кладбища хорошо заметны с дороги, иногда она у кладбища и заканчивается, дальше пути нет. Но бывает, то, что с натяжкой можно назвать дорогой, проходит метрах в двадцати-тридцати, а само кладбище спряталось от посторонних глаз в лесочке, недалеко от деревни, и летом его не разглядишь за пышным одеянием деревьев. Сколько раз машинный люд из других мест и особенно из дальних городов, приехавший в поисках мест успокоения своих родственников, возвращаясь на «парковку» у развилки (дальше можно проехать только на тракторе) и спрашивал нас, где кладбище. Ведут к нему две узких извилистых тропки, вдоль которых растет земляника. Мы туда приходим выпить рюмку на могиле Ильича, нашего доброго соседа. И ему обязательно приносим стаканчик. И около Ани остановимся.

Но как туда тащат гробы, я просто не представляю. Кладбище небольшое, сорок-пятьдесят холмиков, но видно, что старое, есть даже захоронения начала прошлого века. Потом его то ли забросили, то ли хоронили в три этажа с деревянными крестиками, которые сгнивают за десять-двадцать лет. «Ожило» кладбище годах в восьмидесятых: появились надгробные памятники — бедные, простенькие, но хоть что-то. Я помню кладбище в маленьком белорусском городке, где похоронены дед и обе бабушки. Там народ более основательно подходил к устройству последнего пристанища. Но, хоть не лежит на нашем деревенском погосте никто из моих родных и близких, именно здесь мне вспоминаются есенинские строки:

Дайте мне на Родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Хочется верить, что мне еще туда рановато. Но могилки в последнее время сильно прибавилось, год назад туда из Питера привезли Ильича, а в этом и Аню положили.

Кто там у нас в деревне следующий, скажи, кукушка?